

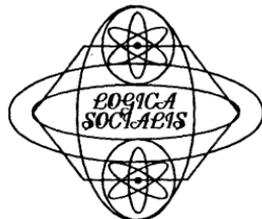
LOGICA SOCIALIS

Ирвинг ГОФМАН
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
СЕБЯ ДРУГИМ В
ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

КАНОН-ПРЕСС-Ц

ЦФС

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

ERVING
GOFFMAN

THE PRESENTATION
SELF
IN EVERY DAY
LIFE

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИРВИНГ
ГОФМАН

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
СЕБЯ ДРУГИМ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ**

Перевод с английского А. Д. Ковалева

**МОСКВА
КАНОН-ПРЕСС-Ц
КУЧКОВО ПОЛЕ
2000**

УДК 316
ББК 60.55
Г57

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI — Vidapest) и Института «Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAF — Moscow)

LOGICA SOCIALIS:
СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Серия основана в 1998 году Центром Фундаментальной Социологии и издается под общей редакцией С. П. Баньковской, Н. Д. Саркитова и А. Ф. Филиппова

Научный редактор книги М. С. Ковалева

Гофман И.

Г57 Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

В очередную книгу большой серии «Публикации ЦФС» (малая серия «LOGICA SOCIALIS») мы включили первый полный перевод на русский язык классической книги И. Гофмана (1922—1982) о законах и ритуалах социального поведения людей при встречах лицом к лицу. Книга дает представление о «драматургическом», или «театральном» подходе Гофмана в социологии, анализирует сценическую постановку человеческих микровзаимодействий, приемы театрализации собственной деятельности и т. д.

Книга предназначена для социологов, социальных психологов и всех изучающих эти дисциплины.

ISBN 5-93354-006-4

УДК 316
ББК 60.55

© Перевод с англ., вступительная статья, А. Д. Ковалев, 2000

© Название серии LOGICA SOCIALIS является зарегистрированным товарным знаком, 1998

© Знак серии, Н. Д. Саркитов, «КАНОН-пресс-Ц», 1998

© Оформление и составление серии, издательство «КАНОН-пресс-Ц», 1998.

рых при том же социальном переднем плане используется иной набор. Так, юрист может беседовать с клиентом в социальной обстановке, которую он устраивает только для этой цели (или для изучения клиента), но подходящую для таких случаев одежду он будет подбирать еще и с расчетом, чтобы она равно годилась для обеда с коллегами и для посещения театра с женой. Подобно этому, гравюры, развешанные на стенах, и ковер на полу могут встречаться и в церемонии домашних приемов. Разумеется, в случаях высоко торжественных церемоний все элементы — обстановка, манеры и внешний вид — могут быть уникальными и особенными, используемыми только для исполнений единственного типа рутин, но такое исключительное использование знакового снаряжения оказывается именно исключением, а не правилом.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В присутствии других индивид, как правило, сопровождает свои действия знаками, которые живо изображают и высвечивают подкрепляющие его образ факты, иначе, возможно, оставшиеся бы незамеченными или смутными. Ибо деятельность индивида станет значимой для других, только если *на протяжении всего взаимодействия* его действия будут выражать именно то, что он хочет передать и внушить другим. В жизни исполнителю может понадобиться полностью прояснить свои заявленные способности не только за время взаимодействия в целом, но и за долю секунды в этом взаимодействии. Так, если судья в бейсболе хочет создать впечатление уверенности в своем решении, он должен поступиться реальной длительностью размышления, необходимой для полной уверенности, и выдать мгновенное решение, убеждающее публику в твердости и верности его позиции¹⁷.

Для индивидов некоторых социальных статусов театральная реализация не составляет проблемы, поскольку какие-то действия, инструментально важные для выполнения центральной задачи этого статуса, в то же время способны превосходно (с точки зрения коммуникации) передавать

¹⁷ Pinelli B. Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 75.

информацию о качествах и свойствах, на какие претендует исполнитель лично. В этом отношении характерны роли профессиональных боксеров, хирургов, скрипачей, полицейских. Эти виды деятельности дают так много возможностей для самовыражения, что образцовые (реально или фиктивно) исполнители становятся знаменитыми и занимают особое место в коммерчески организованных фантазиях нации.

Но во многих случаях театрализация собственной работы оказывается проблемой. Иллюстрацию этому можно взять из одного исследования работы больниц, показавшего, что у медсестер общего профиля есть проблемы, которых нет у хирургических сестер:

Послеоперационный уход, который обеспечивает сестра в хирургическом отделении, очень часто признается важным делом даже пациентами, чуждыми медицине. Например, видя как сестра меняет повязки, настраивает ортопедические аппараты, пациент может оценить, насколько полезна ее деятельность. Даже если она не находится рядом с ним, он все же уважает ее целеустремленные хлопоты.

Профессия терапевтической медицинской сестры — это тоже высоко квалифицированный труд... Диагноз врача-терапевта все время вынужден опираться на тщательное наблюдение симптомов там, где хирург большей частью зависит от ясно видимых явлений. Недостаток наглядности создает проблемы для медика. Пациент не раз может видеть, как его медсестра стоит у соседней кровати и минуту-другую болтает с другим больным. Он не знает, что в это время она отмечает затрудненность дыхания, цвет и тон кожных покровов. Он полагает, что сестра навещает больного просто из праздности. Увы, так же думает и его семья, которая на этом основании может заключить, что роль этих сестер малозначительна. Если пациент считает, что медсестра проводит больше времени у соседней кровати, чем у его, то он обижается... Сестры, по его мнению, «зря растрачивают время», если не кидаются стрелой делать что-нибудь осязаемое, наглядное, вроде подкожных впрыскиваний¹⁸.

Сходным образом, владельцу похоронного заведения может быть затруднительно красочно показать клиентам все, что фактически делается для них, потому что клиенты не способны «разглядеть» накладные расходы при про-

¹⁸ Lentz E. A comparison of medical and surgical floors / Mimeo: New York State School of Industrial and Labor Relations. Cornell University, 1954. P. 2—3.

изводстве данной услуги. Поэтому предприниматели вынуждены взваливать большую часть расходов на самый наглядный свой «продукт» — гроб, ныне поневоле превращенный во внушительный саркофаг, — ибо другие издержки на проведение похорон не так легко продемонстрировать клиентам¹⁹. Коммерсанты тоже считают, что за вещи, которые не выглядят дешевыми, следует назначать высокие цены, чтобы компенсировать невидимые покупателям затраты, связанные со страхованием, периодами застоя в делах и т. д.

Проблема театрализации собственной работы включает нечто большее, чем простое представление невидимых издержек в наглядной форме. Эта работа, обязательная для лиц, занимающих определенный статус, зачастую бедна средствами для выражения желаемого смысла, так что если некто и захочет по-театральному живо передать характер своей роли, ему придется потратить на это немалое количество своей энергии. Такая деятельность по совершенствованию коммуникации часто требует качеств, контрастирующих с театрализуемыми ролями. К примеру, для создания в доме обстановки спокойного, сдержанного достоинства хозяину дома может быть придется суетливо бегать по аукционным распродажам, торговаться с антикварами и упорно прочесывать все местные магазинчики в поисках подходящих обоев и драпировок. Для подготовки радиобеседы, которая задумана как стихийно-неофициальная, естественная и непринужденная, ведущему, очень возможно, придется прописать свой сценарий особенно подробно и кропотливо, выверяя фразу за фразой, чтобы без ошибок следовать содержанию, языку, ритму и темпу обыденных разговоров²⁰. Точно так же, модель журнала «Vogue» вполне способна позой, одеянием и выражением лица живо изобразить утонченное понимание книги, с которой в руках она снималась. Но в действительности женщины, стремящиеся к совершенству самовыражения в роли

¹⁹ Сведения о похоронном бизнесе, использованные в данной книге, взяты из неопубликованной докторской диссертации Р. Хабенштейна: *Habenstein R. W. The American funeral director / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1954.*

²⁰ *Hilton J. Calculated spontaneity // Oxford Book of English Talk. Oxford: Clarendon Press, 1953. P. 399—404.*

фотомодели обычно имеют на чтение очень мало времени и сил. Как говорил применительно к подобному случаю Ж.-П. Сартр: «Внимательный ученик, который очень хочет *быть* внимательным, с глазами, прикованными к учителю, с отверстыми ушами, до того истощает себя, играя роль внимательного, что кончает полной невосприимчивостью к словам учителя»²¹.

И потому перед людьми часто встает дилемма: либо внешнее выражение действия, либо содержание самого действия. Тому, у кого есть время и талант хорошо выполнить свою задачу, именно поэтому может не хватить времени или таланта на демонстрацию другим, насколько хорошо он это делает. К слову сказать, некоторые организации разрешают эту дилемму, официально передоверяя театрально-представительскую функцию специалисту, который тратит все свое время на толкование и показ другим смысла задачи и не имеет времени на реальное ее исполнение.

Если на миг изменить систему координат, перейдя от конкретного исполнения как точки отсчета к индивидам, представляющим это исполнение, то можно увидеть интересную особенность того круга различных рутинных партий, исполнение которых обслуживает какая-то группа или класс индивидов. Если внимательно изучить такую группу или класс, можно обнаружить, что члены ее или его склонны связывать свое самолюбие, личную самооценку, свое *эго*, в основном, со вполне определенными рутинными партиями, придавая гораздо меньшее значение другим партиям, которые они исполняют. Так, некий профессионал может довольствоваться очень скромной ролью на улице, в магазине или в своем доме, но в той социальной сфере, где происходит показ его профессиональной состоятельности, он обычно намного сильнее заинтересован в своем успешном выступлении. Внутренне мобилизуясь для этого, профессионал будет заниматься не столько полным репертуаром исполняемых им партий, сколько той одной, от которой зависит его профессиональная репутация. Именно в этом пункте некоторые авторы ищут отличия групп с аристократическими привычками (каков бы ни был их со-

²¹ Sartre J.-P. *Beinig and nothingness*. L.: Methuen. 1957.

циальный статус) от групп с характеристиками среднего класса. Говорят, что аристократические привычки проявляются во всех мелочах жизни, которые выпадают из круга серьезных специальных занятий других классов, и вносят в эти мелочи особое достоинство властного характера и высокого положения.

Какими же важными достоинствами знатный молодой человек учится поддерживать величие своего титула и показывать себя заслуживающим той высоты превосходства над своими согражданами, на которую вознесла его доблесть предков: знаниями ли, или трудолюбием, или терпением, или самопожертвованием, или какой-либо иной добродетелью? Поскольку ко всем его словам, ко всем его движениям приковано внимание ближних, он привыкает заботиться о каждой мелочи обыденного поведения и приучается исполнять все мелкие житейские обязанности как можно точнее. Поскольку он сознает, как пристально за ним наблюдают и как много людей готовы благосклонно принимать все его увлечения, он действует, по самым незначительным поводам, с такими свободой и подъемом, какие естественно внушает сама мысль об этом. Весь его вид, его манеры, его поведение проникнуты тем утонченным и изящным чувством собственного превосходства, какое вряд ли способны когда-либо приобрести рожденные в низких общественных состояниях. Таково то искусство вести себя, благодаря которому он полагает возможным заставить людей с меньшим сопротивлением покоряться своему авторитету и управлять их склонностями к собственному удовольствию — и в этом ожидании он редко обманывается. Этого искусства, поддерживаемого титулом и наследственными преимуществами, при обыкновенных обстоятельствах достаточно, чтобы править миром²².

Если действительно существуют такие виртуозы житейского поведения, то они образовали бы вполне подходящую группу для изучения техники превращения нашей деятельности в спектакль.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ

Как было сказано ранее, всякое исполнение рутинной партии заявляет своим представительским передним планом некоторые весьма абстрактные притязания на часть аудитории — притязания, которые, вероятно, будут предъ-

²² *Smith A. The theory of moral sentiments. L.: Henry Bohn, 1853. P. 75.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗОНЫ И ЗОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Зону исполнения можно определить как любое место, в котором восприятие исполнения так или иначе ограничено. Разумеется, зоны разнятся по силе степени имеющихся ограничений и по средствам коммуникации*, в отношении которых существуют эти ограничения. Так, толстые панели из стекла, вроде употребляемых в радиовещательных студиях, в состоянии изолировать зону действия от слухового восприятия, но не от визуального, тогда как рабочий кабинет, отгороженный звукопроницаемыми перегородками из фиброкартона, ограничивает восприятие противоположным образом.

В англо-американском обществе (относительно «кабинетном» по характеру действия), исполнение обычно происходит в ограниченном пространстве, к чему часто добавляются и ограничения по времени. Конкретные впечатления и понимания, насаждаемые данным исполнением, обычно наполняют собой весь отведенный этому исполнению зонально-временной интервал, так что любой человек в этом пространственно-временном коллекторе сможет наблюдать исполнение и руководствоваться определением ситуации, которое вынашивается этим исполнением¹.

Часто в исполнении имеется только один центр зрительного внимания в контексте отношений исполнителя и аудитории, как, например, при произнесении политиче-

* То есть любым каналам общения и передачи информации, включая органы чувств (*Прим. пер.*).

¹ Термином «поведенческая обстановка» Г. Райт и Р. Баркер в докладе о методологии научного исследования очень ясно показывают, что любые ожидания относительно поведения обязательно ассоциируются с определенными местами. См.: *Wright H. F., Barker R. G. Methods in psychological ecology. Topeka (Kansas): Ray's Printing Service, 1950.*

ской речи в зале или во время беседы пациента с доктором во врачебном кабинете. Однако многие исполнения состоят из нескольких самостоятельных узлов или гнезд вербального взаимодействия. Так, вечер с коктейлями обычно создает несколько разговорных подгрупп, которые постоянно изменяются по размеру и составу членов. Аналогично, спектакль на сценической площадке торгового заведения, как правило, имеет несколько центров вербального взаимодействия, образованных парами «продавец — покупатель».

Если конкретное исполнение принять за точку отсчета, то иногда для обозначения места, где дается представление, удобно использовать термин «зона переднего плана», или «фронтальная зона действия». Постоянное знаковое снаряжение в таком месте уже соотносилось с той частью представительского переднего плана действия, которая названа «обстановкой». Интересно, что некоторые аспекты исполнения, похоже, разыгрываются применительно не к аудитории, а к зоне переднего плана.

Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты. Эти нормы делятся, видимо, на две обширные группы. Одна группа норм касается форм вербального обращения исполнителя к аудитории или жестовых взаимообменов, заменяющих устную речь. Эти нормы иногда называют *правилами вежливости* в беседе. Другая группа норм относится к соблюдению исполнителем определенных ограничений в поведении, когда он находится в зоне видимости или слышимости, доступной для аудитории, но необязательно говорит с ней. Для этой второй группы норм я буду использовать термин «*приличия*», хотя придется добавить некоторые доводы и оговорки, чтобы оправдать такое словоупотребление.

Требования приличий в зоне действия (или требования, не связанные с обхождением с другими в ходе беседы), удобно снова разбить на две подгруппы: требования моральные и требования инструментальные. *Моральные требования* суть цели в себе и предположительно относятся к правилам, касающимся запретов на вмешательство в чу-

жие дела и назойливое приставание к другим, правил сексуального достоинства, уважения к священным местам и т. д. *Инструментальные требования* не являются целями в себе и относятся к таким обязанностям, какие мог бы предъявлять работодатель к своим наемным работникам: забота о сохранности имущества, поддержание качественного уровня исполняемых работ и т. д. Может показаться, что термин «приличия» следует относить только к моральным нормам и что для охвата инструментальных норм надо использовать другой термин. Но изучая порядок, поддерживаемый в данной зоне, довольно просто установить, что эти два вида требований, моральных и инструментальных, по-видимому, во многом одинаково воздействуют на индивида, который должен отвечать на них, и что для оправдания большинства норм, которых следует придерживаться, выдвигаются как моральные, так и прагматические соображения (или рационализации). Если норма поддерживается санкциями и какой-либо санкционирующей инстанцией, то часто исполнителю почти безразлично, оправдывают ли данную норму преимущественно моральными или инструментальными соображениями, и требуют ли от него или нет внутреннего усвоения этой нормы.

Можно отметить, что та часть личного переднего плана, которая была названа в первой главе «манерами», будет важна в связи с вербальными правилами вежливости, а часть, названная «внешним видом», — в связи с правилами приличия. Заметим также, что хотя благопристойно-приличное поведение может принять форму нарочитой демонстрации уважения к месту и обстановке действия, сама эта демонстрация может, конечно, быть мотивирована желанием снискать благосклонность аудитории, избежать санкций и т. д. Наконец, отметим, что требования приличия экологически более вездесущи, чем требования разговорной вежливости. Аудитория способна непрерывно следить за соблюдением приличий по всей зоне переднего плана, но при этом, возможно, никто из исполнителей не обязан или только очень немногие будут обязаны постоянно говорить с аудиторией и, следовательно, проявлять правила вежливой речи. Исполнители могут приостановить произвольное самовыражение в разговоре, но не могут остановить произвольное самовыражение, находясь в окружении публики.

При изучении различных социальных образований важно охарактеризовать преобладающие нормы приличия. Это трудно сделать, так как информанты и сами изучающие склонны принимать многие из этих норм как нечто само собой разумеющееся, не понимая своего поведения, пока не случится какой-нибудь сбой, или разразится кризис, или сложатся особые обстоятельства. Известно, например, что разные деловые учреждения имеют разные стандарты отношения к неформальной болтовне среди клерков, но только при изучении учреждений с заметным числом работников из иностранных беженцев, становится вдруг понятным, что допущение неофициальных разговоров на рабочем месте вовсе не означает, что их можно вести на иностранном языке².

Людей приучили думать, будто правила приличия в таких священных учреждениях, как церкви, сильно отличаются от правил, действующих в обыкновенных заведениях. Но из этого совсем не следует, что нормы в местах, где проходят священнодействия, многочисленнее и строже норм в рабочих учреждениях. В церкви женщине дозволено сидеть, мечтать и даже дремать. Однако от нее же как продавщицы в магазине готового платья может потребоваться все время стоять, быть внимательной, воздерживаться от употребления жвачки, постоянно сохранять на лице улыбку, даже если она ни с кем не разговаривает, и носить одежду, в которой ей не по себе.

Одна из внешних форм приличия, известная в общественных учреждениях, — это, что называется, умение «изображать работу». Во многих учреждениях все понимают, что работникам надо не только выполнять определенный объем работы за определенное время, но и быть готовым, когда понадобится, создавать впечатление усердной работы в данный момент. Вот пример из жизни корабельной верфи:

Было удивительно наблюдать, как все кругом преобразалось, когда пронеслся слух, что в корабельном корпусе или в цеху появился мастер или что где-то рядом начальник из управления компании. Бригадиры и звеньевые бросались к своим рабочим и

² Gross E. Informal relations and the social organization of work in an industrial office / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago. 1949. P. 186.

всячески понукали их проявлять активность. «Не дайте ему застать вас сидящими!» — таково было универсальное наставление, и там где не было работы, люди деловито гнули и резали какую-нибудь трубу, без нужды подтягивали уже твердо закрепленный на месте болт. Это была формальная дань, неизменно приносимая каждому обходу работ боссом, и ее условности были столь же знакомы обеим сторонам, как и условности, сопровождающие армейскую инспекцию с пятизвездным генералом во главе. Пренебрежение любой мелочью этого фальшивого и пустого шоу было бы истолковано как знак неслыханного неуважения к заведенному порядку³.

Аналогичную картину можно увидеть в больничной психиатрической палате:

В первый же день работы в палатах другие служители очень откровенно советовали исследователю в роли новичка «не попадаться» на битье пациента, казаться занятым, когда старшая надзирательница делает свои обходы, и не заговаривать с нею, пока та сама не обратится к нему. Было заметно, что некоторые служители следят за ее приближением и предупреждают других работников, чтобы ни одного из них не застали с поличным при совершении неблагоприятных действий. Многие служители специально приберегали работу, чтобы потом делать ее в присутствии надзирательницы, показывать свою занятость и не получать дополнительных заданий. В поведении большинства служителей такие маневры не так очевидны, их применение зависит в основном от индивидуальности служителя, от надзирателя и от ситуации в палате. Однако некоторые изменения в поведении наблюдаются почти у всего младшего персонала, когда присутствует какое-то официальное лицо, вроде надзирателя. Открытого пренебрежения правилами и инструкциями обычно не бывает...⁴.

От рассмотрения искусства «изображать работу» только шаг до разбора иных нормативов рабочей активности, видимость которых должна поддерживаться — таких, как темп, личный интерес к данной работе, бережливость, аккуратность и т. д.⁵ От разбора рабочих нормативов вообще лишь шаг до разбора других главных составляющих

³ Archibald K. Wartime shipyard. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1947. P. 159.

⁴ Willoughby R.H. The attendant in the State Mental Hospital / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. P. 43.

⁵ Анализ некоторых главных рабочих нормативов можно найти в книге Э. Гросса (Gross E. Op. cit.), из которой взяты вышеописанные примеры нормативов.

в соблюдении внешних приличий (прагматических и моральных) на рабочих местах: манеры одеваться, терпимого уровня производимого шума, частоты осуждаемых отвлечений от работы, допустимых поблажек, манеры выражения чувств и т. д.

Необходимость изображать работу, наряду с другими элементами соблюдения внешних приличий на рабочих местах, обычно рассматривают исключительно как особую повинность людей низкого общественного положения. Драматургический подход, однако, требует от нас вместе с проблемой изображения работы видеть и проблему инсценирования противоположного явления — «изображения ничегонеделания». Так, из воспоминаний о жизни в начале XIX в. в среде бедного английского дворянства можно узнать, что:

Люди были крайне щепетильны в вопросе нанесения визитов — здесь сразу вспоминается сцена визита в романе «Мельница на Флоссе»*. Визиты надо было делать регулярно, с правильными промежутками, так что даже дни, в которые их следовало отдавать или возвращать, почти всегда были известны. Визит был церемониалом, содержавшим изрядную долю чопорности и притворства. Никто, например, не должен был позволять застать себя врасплох за какой-либо работой. В благородных семьях поддерживалась фикция, будто леди из этого дома никогда не делают ничего серьезного или полезного после обеда. Вторую половину дня полагалось посвящать или прогулкам, или визитам, или необременительно изысканному домашнему времяпрепровождению. Поэтому если девушки на момент чужого посещения занимались любой полезной работой — они спешно запиховали свидетельства ее под софу и притворялись читающими книгу, или рисующими, или увлеченными вязанием, а то и легким, блестящим разговором. Зачем они шли на это трудоемкое притворство — не имею ни малейшего понятия, так как все знали, что каждая девушка в округе всегда в деле: чинит, кроит, сметывает, расклинивает, отделяет, перелицовывает и всячески ухитряется, чтобы сводить концы с концами. А как вы думаете, могли бы дочери рядового стряпчего отважиться показаться на людях в воскресенье, если б они не были достаточно умелыми, чтобы изобретать вещи для самих себя? Каждый сосед, конечно же, знал это, а почему девушки не хотели признаваться в этом сразу, теперь уже нельзя понять. Возмож-

* Классический роман английской писательницы XIX в. Джордж Элиот (Мэри Анн Эванс) (*Прим. пер.*).

но, у них теплилась своего рода гипотеза, или слабая надежда, или страстная мечта, будто репутация неземных ледиподобных созданий могла бы помочь им вырваться в большой свет из круга балов в провинциальном графстве⁶.

Само собой понятно, что хотя людей, вынужденных изображать работу, и людей, вынужденных изображать безделье, жизнь, вероятно, ведет разными путями, но при этом все они должны приспособливаться к одинаковым сценическим требованиям.

Ранее говорилось, что когда чья-то деятельность протекает в присутствии других лиц, обычно некоторые элементы этой деятельности выразительно подчеркиваются, а другие, которые могут испортить желаемое впечатление, скрываются. Ясно, что выигрышные, ударные факты исполнители предпочитают показывать в зоне переднего плана. Точно так же должно быть ясно, что может существовать и другая зона — «зона заднего плана» или «закулисная зона», где появляются и признаются скрываемые от публики факты.

Зону заднего плана или закулисье можно определить как связанное с данным исполнением место, в котором осознанные противоречия с насаждаемым впечатлением принимаются как должное. Существует, конечно, много функциональных характеристик таких мест. Именно здесь может быть тщательно отработана способность любого исполнения выражать что-то помимо своего прямого смысла. В этой зоне открыто фабрикуются иллюзии и рассчитываются впечатления. Здесь в компактном виде хранится необходимый реквизит и аксессуары личного переднего плана для всего репертуара действий и характеров исполнителей⁷. Именно в закулисье градации церемониального снаряжения (вроде различных марок спиртных напитков или

⁶ *Besant W. (Sir). Fifty years ago // The Graphic Jubilee Number. 1887. Цит. по: Laver J. Victorian vista. L.: Hulton Press, 1954.*

⁷ Как указывает А. Метро, даже практика культов вуду требует таких условий: «Каждый случай одержимости имеет свою театральную сторону, проявляемую в изменениях внешности, в смене личин. Помещения святилища не так уж непохожи на закулисные уголки театра, где одержимые находят для себя необходимые аксессуары. В отличие от истериков, раскрывающих свои страдания и желания через определенные симптомы как личное средство выражения, ритуальные одержимые должны подчиняться классическому образу мифического персонажа» (*Métraux A. Dramatic elements in ritual possession // Diogenes. Vol. 11. P. 24.*)

стилей одежды) могут быть настолько затушеваны, что публика не сумеет уловить разницу между фактическим обращением с нею и тем обращением, какое полагалось бы ей по чину. В этой зоне тайно завладевают такими инструментами общения, как телефон, чтобы пользоваться ими «приватно». Костюмы и другие атрибуты личного переднего плана здесь изучаются, приводятся в порядок и подгоняются к характеру ожидаемой публики. В этом месте команда может репетировать свое исполнение, проверяя воздействие потенциально оскорбительных выражений в отсутствие аудитории, без риска получить от нее отпор. Здесь слабых участников команды, невыразительных и неумелых, без помех натаскивают или совсем отстраняют от участия в исполнении. За кулисами исполнитель может расслабиться, перестать выдерживать безукоризненный представительский вид, откровенно высказаться о своих планах и выйти из образа. Симона де Бовуар рисует весьма живую картину этого закулисного поведения женщин в ситуациях, где отсутствует мужская аудитория:

Что придает ценность подобным взаимоотношениям, так это содержащиеся в них правда поведения, безыскусность. Перед мужчиной женщина всегда в состоянии презентации; она лжет, делает вид, что, как и противоположный пол, она не принимает себя всерьез, она лжет, когда посредством мимики, наряда, определенных слов создает вымышленный образ; разыгрывается спектакль, он требует постоянного напряжения; и рядом с мужем, и рядом с любовником любая женщина думает приблизительно так: «Я не похожа на себя»; мир мужчин жесток, там острые углы, пронзительные звуки, резкий свет, жесткие контакты. Каждая женщина, когда она в кругу своих подруг, как бы сбрасывает с себя все показное; она чистит оружие, готовится к бою, но пока она не в бою; она продумывает свой наряд, макияж, готовит свои хитрости; она расслабилась, ходит в домашних туфлях, в халате, она за кулисами и только готовится выйти на сцену; ей нравится эта мягкая, приятная атмосфера расслабленности...

Для некоторых женщин вот такая беззаботная близость, полная искреннего тепла, ценнее, чем серьезная высокопарность отношений с мужчиной⁸.

Как правило, зона заднего плана располагается в глубине того места, где происходит данное исполнение, и от-

⁸ *Beauvoir S. de. The second sex. L.: Cape, 1953. [Бовуар С. де. Второй пол. М.: АО Издательская группа «Прогресс»; СПб.: Алетейя, 1997. С. 614—616].*

деляется от него какой-нибудь перегородкой и охраняемым проходом. Имея в распоряжении такие смежные зоны переднего и заднего планов, исполнитель, находясь на самом виду, может получать помощь из-за кулис, когда представление в самом разгаре, и может мгновенно прерывать свое исполнение для короткого отдыха и расслабления. В общем, зона заднего плана — это в первую очередь такое место, в котором исполнитель может безусловно рассчитывать на то, что ни один член аудитории туда не вторгнется.

Поскольку жизненно важные секреты спектакля явно находятся за кулисами и поскольку там же исполнители позволяют себе временно выходить из роли, естественно ожидать, что проход из зоны переднего плана в зону заднего плана будет закрытым для людей из публики или что вся закулисная зона будет скрыта от них. Такая практика управления впечатлениями публики широко распространена и требует дальнейшего обсуждения.

Очевидно, контроль закулисы играет существенную роль в процессе «рабочего контроля», которым люди пытаются самортизировать давление обступающих их со всех сторон детерминистских жизненных потребностей. Если фабричный рабочий хочет преуспеть в создании видимости напряженного труда весь день, тогда он должен иметь безопасное место, чтобы прятать приспособление, которое позволяет ему выполнять дневную норму меньше чем за полный рабочий день⁹. Если друзьям и близким покойного нужна иллюзия, будто мертвый как живой пребывает в глубоком и спокойном сне, тогда владелец похоронного заведения должен иметь возможность не допускать родственников в рабочую комнату, где трупы подсушивают, набивают и подкрашивают, готовя их для последнего представления¹⁰. Если персонал психиатрической лечебницы

⁹ Collins O., Dalton M., Roy D. Restriction of output and social cleavage in industry // Applied Anthropology (Human Organization). Vol. 4. P. 1—14, 9.

¹⁰ Г-н Хабенштейн сообщил в семинаре, что в нескольких штатах владелец похоронного бюро имеет законное право не допускать родственников покойного в рабочую комнату, где обрабатывается тело. Предполагается, что видеть все то, что необходимо проделать с мертвым телом, чтобы оно выглядело привлекательным, было бы слишком сильным потрясением для непрофессионалов и особенно для близких усопшего. Г-н Хабенштейн полагает также, что близкие, возможно, и сами желают держаться подальше от этого места из боязни последствий собственного болезненного любопытства.

собирается оставить хорошее впечатление у тех, кто навещает своих больных родственников, тогда важно уберечь гостей от знакомства с палатами, особенно с палатами хроников, ограничив кругозор посторонних специальными помещениями для посетителей, в которых практически заведсти хорошую мебель, создать приятную обстановку и представлять всех больных перед их близкими хорошо одетыми, умытыми, управляемыми и с относительно пристойным поведением. По тем же соображениям многие профессионалы в сфере услуг просят клиента оставить вещь, нуждающуюся в той или иной починке, и уйти, чтобы специалист мог работать не на глазах профанов. Когда клиент возвращается за своим автомобилем, часами, брюками или радиоприемником, вещь представляют ему в хорошем рабочем состоянии, которое, между прочим, скрывает количество и виды затраченного на это труда, число первоначально сделанных ошибок до установления окончательного диагноза и другие детали, которые клиенту, возможно, не мешало бы знать, прежде чем судить о справедливости запрошенной с него платы.

Работники сферы услуг так широко и как нечто само собой разумеющееся применяют право не пускать свою аудиторию в закулисную зону, что случаи, когда эта обычная стратегия не применима, привлекают больше внимания, чем случаи ее использования. К примеру, в этом отношении многочисленные проблемы имеет американский управляющий автозаправочной станцией¹¹. Если требуется ремонт, клиенты часто отказываются оставлять свой автомобиль на всю ночь или на весь день в доверительном распоряжении заведения, как они поступили бы, если бы отдавали автомобиль в гараж. Далее, когда механик занимается ремонтом и наладкой, клиенты часто полагают, что имеют право наблюдать, как он делает свою работу. Следовательно, если приходится предъявлять счет за мнимую услугу, она должна быть исполнена на глазах того самого человека, который должен быть этим обманут. Клиенты же, фактически, не только не считаются с правом персонала автозаправки на их собственную закулисную зону,

¹¹ Нижеследующие суждения взяты из одного исследования двухсот менеджеров малых предприятий, проведенного «Social Research, Inc.»

но и часто понимают всю станцию как своего рода открытый город для настоящих мужчин, место, где человек подвергается риску запачкать свою одежду и потому имеет право требовать всех закулисных удовольствий. Мужчины-автомобилисты будут разгуливать по территории, лихо заламывать шляпы, плевать, ругаться и просить бесплатных услуг или бесплатного совета по маршруту. Они будут запросто вваливаться во все помещения, чтобы воспользоваться туалетом, инструментами, телефоном станции или поискать в кладовой детали для собственных надобностей¹². Чтобы обойти сигналы светофора, автомобилисты будут напрямую ездить через подъездную дорожку станции, забывая о правах собственности ее хозяина.

Шетланд-отель дает еще один пример тех проблем, с какими встречаются работники, когда они недостаточно контролируют свое закулирье. В кухне отеля, где готовили еду для постояльцев и где ели и проводили весь день его работники, крестьянская культура арендаторов вновь торжествовала. Не мешает описать некоторые черты этой культуры.

В кухне преобладало арендаторское понимание отношений хозяина и работников. Во взаимном обращении использовались просто имена, хотя мальчику-посудомою было всего четырнадцать лет, а хозяину больше тридцати. Чета хозяев и весь персонал ели вместе, относительно на равных участвуя в разговорах и сплетнях за едой. Когда хозяева устраивали на кухне неофициальные вечеринки

¹² Управляющий гаражом для спортивных автомобилей рассказал мне такую сценку, случившуюся между ним и клиентом, который самовольно вошел в кладовую, выбрал прокладку и стал показывать ее управляющему, находясь с внутренней стороны прилавка:

Клиент: «Сколько?»

Управляющий: «Сэр, как Вы сюда попали, и что было бы, если б Вы зашли за стойку банка, взяли горсть монет и принесли их кассиру?»

Клиент: «Но это не банк».

Управляющий: «А прокладки — мои монеты. Так, что Вы хотели, сэр?»

Клиент: «Ну, если Вы так ставите вопрос, ладно. Это ваше право. Я хочу прокладку для "Anglia 51"».

Управляющий: «Та, что у Вас в руках — для модели 54».

Хотя пересказ управляющего, возможно, неточно воспроизвел слова и действия, которыми участники обменялись в действительности, он передает нам нечто глубоко верное относительно сложившейся ситуации и его переживаний в ней.

для друзей и дальних родственников, в них участвовали и служащие отеля. Такая форма отношений близости и равенства между управляющими и наемными работниками не имела ничего общего с тем внешним видом, который оба эти элемента персонала принимали в присутствии постояльцев, поскольку она была несовместима с понятиями гостей о необходимой социальной дистанции, разделяющей важное должностное лицо, с кем они общались как с равными, когда заказывали номер, и всякими там носильщиками и горничными, которые доставляли багаж наверх, каждую ночь полировали обувь гостей и выливали их ночные горшки.

Точно так же для своих на кухне были в ходу островные способы приготовления и приема пищи. Мясо, когда оно было, чаще всего варили. Часто употребляемую рыбу тоже предпочитали варить или есть соленой. Картофель, неизбежное блюдо в большой обед днем, почти всегда варили в мундире и ели по-островному: каждый едок брал картофелину рукой из общей миски, стоящей в центре стола, затем накалывал ее вилкой и счищал кожуру ножом, складывая очистки аккуратной кучкой перед собой, чтобы после еды сгрести их тем же ножом в помой. Стол накрывали клеенкой. Почти каждая еда начиналась с миски супа, эти же миски, вместо тарелок, обычно использовались и для последующих блюд. (Это было практично, так как большая часть пищи была вареной.) Вилки и ножи при еде нередко держали по-крестьянски в кулаке, а чай подавали в простых чашках без всяких блюдец.

Хотя островная диета во многих отношениях казалась вполне удовлетворительной, а островные застольные манеры могли соблюдаться с сугубой деликатностью и осмотрительностью (и часто были деликатными объективно), вся эта система принятия пищи, как хорошо понимали островитяне, не просто отличалась от образца, собственного британскому среднему классу, но и в чем-то нарушала его. Возможно, это различие образцов застольного поведения становилось наиболее очевидным в случаях, когда пищу, подаваемую гостям, ели и на кухне. (Это случалось не так уж редко и не становилось еще более обыкновенным только потому, что персонал часто предпочитал

островную пищу той, что готовилась для постояльцев.) В таких трапезах на кухне городскую пищу разделявали и сервировали по-островному, почти не обращая внимания на оформление индивидуальных порций и красоту нарезки и больше заботясь о доступности для всех какого-то общего источника пищи. Часто подавались остатки мяса или раскрошенные куски пирогов — пицца того же качества, что появлялась и в столовой для постояльцев, но только в чуть измененном виде, хотя все-таки не окончательно обезображенном стандартами островной кухни. И если пудинг изготовляли из черствого хлеба и пирожное не было достаточно хорошо для гостей, то это съедалось на кухне.

Крестьянские манеры одеваться и сидеть за столом тоже проявлялись на кухне отеля. Так, сам управляющий нередко следовал местному обычаю и не снимал за столом кеппи; посудомои использовали угольную бадью как мишень для метких плевков издали; и женщины из персонала отдыхали в сидячем положении, задрав ноги отнюдь не как леди.

Помимо этих культурно обусловленных отличий были и другие источники диссонансов между обычаями, царившими на кухне и в гостиной отеля, ибо некоторые стандарты обслуживания, демонстрируемые в гостевых зонах, не полностью выдерживались на кухне. В посудомоечном отсеке кухонной зоны иногда делали желе из остатков супа, чтобы все-таки как-то их использовать. Над кухонной плитой прямо над парующим чайником сушились мокрые носки — обычная практика на острове. Чай, когда гости просили свеженастоенного, заваривался в чайнике, устланном на дне чайными листьями недельной давности. Свежую сельдь чистили, раздирая рыбину и затем выскребая внутренности газетой. Брусочки масла, размякшие, потерявшие вид и частично использованные во время совместной трапезы в гостиничной столовой, полагалось повторно формовать, чтобы они выглядели свежими, и снова отсылать к столу. Дорогие сладкие блюда, слишком роскошные для употребления кухонной прислужгой, с азартом пробовали пальцами прежде чем подать гостям. В час пик обеденного времени, только что использованные бокалы иногда про-

сто опорожняли и протирали вместо мытья, таким образом быстрее возвращая их в оборот¹³.

При таком разнообразии пунктов, по которым деятельность на кухне противоречила впечатлениям, старательно создаваемым в гостевой зоне отеля, можно понять, почему двери, ведущие из кухни в другие части отеля, всегда были уязвимым местом в организации труда. Горничные-официантки хотели бы держать двери всегда открытыми, чтобы им было легче проносить подносы туда и обратно, видеть, готовы ли клиенты получить заказ, и вообще как можно дольше не терять из виду и изучать людей, с которыми они начали работать. Поскольку горничные не раз исполняли перед гостями роль служанок, они полагали, что не слишком много теряют, позволяя клиентам наблюдать себя в собственной среде через открытые двери кухни. Хозяева, напротив, желали держать их закрытыми, чтобы роль полноценных членов среднего класса, навязанная им постояльцами, не подрывалась разоблачениями их кухонных привычек. Вряд ли проходил день без того, чтобы эти двери то со стуком и злостью захлопывались, то со злостью же распахивались настежь. Самозакрывающиеся (со свободно подвешенными створками) двери, используемые в современных ресторанах, частично решили бы эту сценическую проблему. Маленькое стеклянное окошечко в дверях в роли глазка, позволяющего заглядывать в зал, — сценическое приспособление, часто используемое во многих небольших помещениях делового назначения, — также могло бы помочь в подобных случаях.

Другой интересный пример закулисных затруднений можно отыскать в практике радио- и телевизионного вещания. В этой сфере к закулисной зоне принято относить все места, на которые в данный момент не наведена камера, или все места, не достигаемые для микрофона «прямого» эфира. Поэтому диктор в одной руке, вытянутой перед

¹³ Эти примеры расхождения между действительностью и видимостью в соблюдении стандартов обслуживания отнюдь не следует считать какой-то крайностью. Пристальное наблюдение закулисной стороны ведения домашнего хозяйства в любой семье из среднего класса в западных городах, вероятно, вскрыло бы не меньшие расхождения между реальностью и видимостью. Везде, где присутствует известная степень коммерциализации, часто их еще больше.

камерой, может держать рекламный продукт спонсора передачи, а другой рукой, благо лицо его вне кадра, дергать себя за нос, гримасничая перед товарищами по команде. Среди профессионалов ходит много назидательных историй о людях, которые, думая что они находятся за кадром, в действительности были в эфире, и как это их закулисное поведение подрывало определение ситуации, поддерживаемое в эфире. Да и по чисто техническим причинам может случиться, например, что стены, которые операторам надо сделать невидимыми на заднем плане, вдруг предательски попадут в кадр при резком переключении света или повороте камеры. Поэтому создатели телепередач, вынуждены жить и работать, учитывая возможность таких сценических случайностей.

В чем-то схожи с указанными случаями и трудности, связанные с устройством закулисной зоны в некоторых современных архитектурных проектах жилых домов. Дело в том, что для зрительного ощущения изолированности домашнего помещения достаточно тонких стальных перегородок, но тогда все проявления жизнедеятельности (обычно не скрываемые и скрываемые, закулисные) становятся доступными для слуха в соседних помещениях. В подобных случаях британские исследователи используют термин «общая стена» и описывают последствия постройки такого типа следующим образом:

Жильцы опознают многие «соседские» шумы, начиная типичным гамом на праздновании дня рождения и кончая звуками ежедневной рутинной жизнедеятельности. Из шумов информанты упоминают звучащее радио, детские крики по ночам, кашель, стук сбрасываемых перед сном туфель, топот детей, бегающих вверх и вниз по лестнице или по полу спальни, брелочное фортепьяно, громкий смех или разговор. Интимные звуки из супружеской спальни соседей могут восприниматься или как шокирующие: «Вам слышно даже как они пользуются горшком — вот до чего все плохо! Это ужасно»; или как беспокоящие: «Я слышал, как они скандалили в постели. Один из супругов хотел читать, а другой хотел спать. Слышать шумы, лежа в кровати, — это мешает, так что я развернул мою кровать в другую сторону...» «Я люблю читать в постели, а слух у меня чуткий, так что меня их разговоры беспокоят»; или как запретные для посторонних: «Иногда слышишь очень интимные секреты, например, когда муж говорит жене, что у нее холодные

ноги. Поневоле подумаешь, что и *самому* надо говорить о своих личных тайнах шепотом» и «А это очень стеснительно, как если бы вас заставили ходить ночью на цыпочках в собственной спальне¹⁴.

В таких случаях малознакомые соседи оказываются в стеснительном положении, когда каждый из них подозревает, что другой знает о нем слишком много.

Последний пример сложностей закулисного поведения можно взять из жизни высокопоставленных лиц. Они могут стать настолько священными персонами, что единственно уместным и допустимым для них будет появление со свитой в центре какой-нибудь церемонии. Появление перед другими в любом ином контексте может восприниматься как недостойное их положения, поскольку существует мнение, что такие неофициальные появления способны подорвать приписываемые этим лицам магические качества. Следовательно, надо оградить от публики все места, где высокопоставленное лицо расслабляется, и если такие места занимают обширную территорию, наподобие резиденции китайского императора в XIX в., либо если существует неопределенность относительно того, где именно появится высокая персона, то трудности предотвращения посторонних вторжений становятся значительными. Так, королева Виктория ввела правило, что когда она каталась по дворцовому парку в своей коляске, запряженной пони, любой встречный при ее приближении должен был отвернуться или изменить направление своего движения. Поэтому важные государственные мужи бывали вынуждены иногда жертвовать собственным достоинством и прыгать за куст, когда неожиданно появлялась королева¹⁵.

Хотя некоторые из приведенных трудностей поведения в закулисной зоне безусловно являются особыми случаями, при изучении социальных учреждений, по-видимому, не встретишь ни одного, в котором не было бы проблем закулисного контроля.

Рабочая зона и зона отдыха — лишь две области применения закулисного контроля. Еще одна такая область по традиции полностью находится под контролем исполните-

¹⁴ Kuper L. Blueprint for living together // Kuper L. et al. Living in towns. L.: The Cresset Press, 1953. P. 14—15.

¹⁵ Ponsonby F. Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951.

лей — это места отправления биологических потребностей. В западном обществе акт дефекации воспринимается как действие, несовместимое с нормами физической и нравственной чистоплотности, присущими многим видам человеческого самовыражения. К тому же это действие по причине неизбежных манипуляций с одеждой требует от индивида нарушения внешнего вида и тем «выводит его из игры», то есть вынуждает сбросить с лица экспрессивную маску, которой он обычно пользуется при взаимодействии лицом-к-лицу. Одновременно для него становится затруднительным воссоздание своего личного переднего плана, необходимого для повторного неожиданного вхождения во взаимодействие. Возможно, в этом одна из причин, почему двери туалетов в нашем обществе оборудованы разнообразными замками. Точно так же, одно из объяснений привычки располагать спальню как можно дальше от наиболее активно используемой части дома состоит в том, что спящий в кровати человек как и в туалете «демобилизован» (выражаясь метафорически) и какое-то время после пробуждения может оказаться неспособным привести себя в нужное для взаимодействия состояние или придать общительное выражение лицу. Полезность такого уединенного расположения спален увеличивается тем, что в них чаще всего сосредоточена сексуальная активность человека — форма взаимодействия, которая тоже не оставляет ее исполнителям возможности сразу же войти в другие виды взаимодействия.

Один из наиболее интересных случаев для наблюдений за процессом управления впечатлениями — это момент, когда исполнитель покидает закулисную зону и выходит к аудитории, или когда он возвращается обратно, ибо в эти мгновения можно увидеть удивительное зрелище надевания и снятия характерной маски. Дж. Оруэлл дает нам яркий пример этого, рассказывая о поведении официантов с закулисной точки зрения мойщиков посуды:

Очень поучительно наблюдать официанта, входящего в зал ресторана при отеле. Как только он минует двери — с ним происходит внезапное преобразование. Меняется постановка плечей, любая злость, спешка, раздражение пропадают вмиг. Он плывет над ковром с торжественным видом священнослужителя. Я вспоминаю нашего помощника метрдотеля, темпераментного ита-

льянца, задержавшегося около двери в зал, чтобы наорать на ученика, разбившего бутылку вина. Потрясая над головой кулаком, он вопил (к счастью двери были более или менее звукопроницаемыми):

«Tu me fais* — И ты называешь себя официантом, ублюдок? Ты официант?! Да ты не годишься скрести полы в борделе, откуда твоя мамаша. Maquegeau**!»

Не находя слов, он повернулся к двери и, когда открывал ее, выпалил последнее оскорбление в том же роде, каким грешил сквайр Вестерн в «Томе Джонсе»***.

Затем он вышел в зал и поплыл с блюдом в руке, грациозный как лебедь. Десятью секундами позже он почтительно раскланивался с клиентом. И вы просто не могли не подумать, глядя на его поклоны и улыбку, ту благожелательную улыбку вышколенного официанта, что клиенту должно быть стыдно позволять обслуживать себя такому аристократу¹⁶.

Другой иллюстрацией снабжает нас еще один английский «включенный наблюдатель» Моника Диккенс, намеренно пошедшая на социальное понижение:

Упомянутая горничная (я узнала, что ее звали Адди) и две официантки вели себя как люди играющие в пьесе. Они величаво входили на кухню, как бы удаляясь со сцены за кулисы, с еще высоко поднятыми подносами и натянутым на лица выражением надменности, расслаблялись на момент в бешеной суете получения новых блюд и опять выплывали с лицами, готовыми к следующему выходу на большую сцену. Повар и я оставались кем-то вроде рабочих сцены среди строительного мусора: на миг словно узрев отблеск иного мира, мы почти что слышали аплодисменты невидимой публики¹⁷.

Упадок института домашней прислуги вызвал быстрые изменения, похожие на описанные Оруэллом, в поведении домашней хозяйки из средних классов. Давая обед для друзей, она вынуждена справляться с грязной кухонной работой таким образом, чтобы быть в состоянии то и дело переключаться с роли прислуги на роль хозяйки, меняя род деятельности, манеры и настроение при входе и выходе из столовой. Руководства по этикету помогают сорие-

* Ты достал меня (фр.).

** Недоносок (фр.).

*** Знаменитый роман английского писателя XVIII в. Генри Фильдинга (*Прим. пер.*).

¹⁶ Orwell G. Down and out in Paris and London. L.: Secker & Warburg, 1951. P. 68—69.

¹⁷ Dickens M. One pair of hands. L.: Michael Joseph, Mermaid Books, 1952. P. 13.

тироваться в том, как облегчить такие переключения. Например, в случае если хозяйке надо удалиться в закусочную зону на продолжительное время (положим — для приготовления постелей), то чтобы сохранить видимость всеобщей беззаботности руководство советует отправить хозяина с гостями на небольшую прогулку в сад.

Граница, разделяющая переднюю и заднюю зоны действия, встречается в нашем обществе на каждом шагу. Как полагается, во всех домах (кроме домов людей из низшего класса) семейная ванная и спальня — это такие места, доступ в которые посторонней публике может быть закрыт. Вымытые, одетые и приукрашенные в этих комнатах тела могут быть представлены друзьям в других помещениях. И конечно же, для приготовления пищи кухня является тем же, чем ванная и спальня — для человеческого тела. Фактически, именно наличие таких специфических помещений отличает условия жизни людей из среднего класса от условий жизни низшего класса. Но в нашем обществе для всех классов характерна тенденция отчетливо разделять парадные (передние) и задние комнаты, даже по их внешнему виду. Передние комнаты, как правило, относительно хорошо обставлены, отремонтированы и прибраны. Задние обычно содержатся в довольно неприглядном виде. Соответственно, социально полноправные взрослые ходят через парадную дверь, а социально неполноправные (прислуга, посыльные, дети) пользуются черным входом.

Хотя все более или менее знакомы с общей сценической планировкой внутри своего дома и вокруг него, люди, как правило, мало знают о связанных с ним дополнительных сценических возможностях. Американские мальчишки от восьми до четырнадцати лет и другая непочтительная публика чрезвычайно ценят подворотни, закоулки и проходные дворы в ближайшей округе и пользуются ими. Они очень живо воспринимают любое подобное открытие, но это чувство уходит, когда они становятся старше. Уборщицы и уборщицы по необходимости тоже имеют отчетливое представление о небольших дверях, через которые можно выйти на задворки деловых зданий, и очень хорошо знают их грузовую транспортную систему для скрытой от посторонних глаз доставки к месту работы мощного и чистящего оборудования, другого столь же громоздкого сцениче-

ского реквизита, а также самих себя. В магазинах имеются аналогичные подсобные помещения: там задней зоной служит пространство «позади прилавка» и кладовая.

Очевидно, что при данных ценностях конкретного общества закулисный характер определенных мест запечатлевается в них материально и по отношению к смежным областям эти места тоже неизбежно оказываются закулисными — зонами заднего плана. Нередко эти зоны действия выделяются с помощью искусства декораторов, отводящих темные цвета и голые кирпичные стены служебным частям зданий и белую штукатурку зонам переднего плана, фасадам. Этому разделению прибавляет стабильности установка капитального оборудования на постоянном месте. Работодатели совершенствуют подобную гармонию, перемещая лиц с непривлекательной внешностью на задний план рабочей сцены, а лиц, «производящих хорошее впечатление» на передний план. Резервы мало впечатляющего, незаметного другим труда можно использовать не только для деятельности, которую надо скрывать от аудитории, но и для деятельности, которую скрывать можно, но не нужно. На одном из семинаров Эверет Хьюз сообщил факт¹⁸, что наемные работники-негры могут легче добиться почетного положения на американских предприятиях, если они работают уединенно, вдалеке от главных зон производственных операций, как это бывает, например, в фармацевтике. (Все это подразумевает своеобразную «экологическую» сортировку персонала, что хорошо известно, но мало изучено.) В подобных случаях обычно следует ожидать, что работающие за сценой будут стремиться к достижению высоких технических стандартов исполнения, тогда как работающие на виду, в зоне переднего плана будут ориентироваться на принятые стандарты выразительности исполнения.

Декоративные и постоянные элементы убранства в месте, где обычно протекает какое-то конкретное представление, а также определенные исполнители, обычно бывающие там, придают этому месту особый дух. Даже когда традиционное исполнение там в данный момент не идет, место продолжает хранить какие-то свойства зоны перед-

¹⁸ На семинаре в Чикагском университете.

него плана. Так, собор и школьный класс сохраняют что-то от их настроения, даже когда в них присутствуют лишь ремонтные рабочие, и хотя эти люди могут вести себя не очень почтительно, делая свою работу, сама эта их непочтительность не бесформенна, а частично структурирована и определенно сориентирована тем, что в известном смысле они обязаны чувствовать, но не чувствуют. Точно так же какое-то место может получить широкое признание как временное убежище, где не обязательно соблюдать определенные нормы поведения, и получить его только потому, что место это прочно отождествляется с образом задней зоны. Иллюстрациями этому могут послужить охотничьи домики и раздевалки в спортивных общественных заведениях. Летние курорты тоже, по-видимому, культивируют известную снисходительность в отношении внешнего вида людей, позволяя им, в остальном связанным условностями, публично появляться на улицах в костюмах, которые они в обычных обстоятельствах не надели бы в присутствии посторонних. Как своеобразные убежища возникают и воровские «малины» или даже преступные сообщества, где никому не надо притворяться «законопослушным». Интересный пример такого явления когда-то существовал в Париже:

В XVII в., чтобы стать полноправным «арготьером», надо было не только выпрашивать милостыню подобно любому простому бродяге, но и владеть мастерством карманника и вора. Этим искусствам обучали в местах привычных встреч самых последних отбросов общества, и места эти были известны под названием «Дворов чудес». Если верить автору начала XVII в., подобные дома, или скорее притоны, назывались так потому, что «жулики... и прочие проходимцы, которые весь день пробыли калеками, увечными, раздутыми водянкой, разукрашенными всеми видами телесных хворей, возвращаются домой ночью, неся под мышками говяжий филей, кусок телятины или баранью ногу, не забыв к тому же привесить к поясу бутылку вина, и, вошед во двор, они отбрасывают прочь свои костыли, вновь обретают здоровый вид и, в подражание древним вакханалиям, пускаются в пляс со своими трофеями в руках, пока содержатель притона готовит им ужин. Так может ли быть большее чудо, чем увиденное в этом дворе чудес, где безногие ходят, а горбатые распрямляются»¹⁹.

¹⁹ *LaCroix P. Manners, custom and dress during the Middle Ages and during the Renaissance period. L.: Chapman & Hall, 1876. P. 471.*

В таких задворочных зонах сам факт, что здесь никому не надо пускать пыль в глаза и строить из себя важную персону, задает тон всему взаимодействию, располагая находящихся там людей действовать так, как будто они на коротке друг с другом во всех делах.

Однако, хотя и существует тенденция идентифицировать зону, регулярно используемую в данном исполнении, с его передней либо с его закулисной зоной, все же найдется немало и таких зон, которые в одно время и в одном смысле функционируют в качестве зоны переднего плана, а в другое время и в другом смысле — в качестве закулисной зоны. Так, личный кабинет некоего руководящего лица определенно представляет собой переднюю зону, где его статус в организации усиленно подчеркивается качеством отделки и меблировки его кабинета. И все-таки это еще и место, где он может снять свой пиджак, распустить галстук, держать под рукой бутылочку спиртного и по-дружески интимно или даже шумно принимать коллег-руководителей своего ранга²⁰. По сходным причинам деловая организация, использующая пышную представительскую шапку для официальных бумаг во внешней переписке с лицами, не входящими в фирму, во внутренней переписке вполне может следовать таким советам:

Качество бумаги для корреспонденции внутри учреждения больше обусловлено соображениями экономии, чем этикета. Дешевая бумага, цветная бумага, обороты — все идет в дело, когда «оно целиком семейное»²¹.

И все-таки тот же источник доброжелательных советов ставит известные пределы такому закулисному определению ситуации:

В принципе также может быть не запрещено и даже признано практичным использование разного рода бумаг с личным

²⁰ Факт, что маленький личный кабинет легче превратить в закулисную зону, оставшись в нем единственным человеком, составляет одну из причин, почему стенографисты иногда предпочитают работать в таком личном кабинете, противопоставляемом большому административному помещению. На открытой площадке человек почти наверняка всегда будет на виду у кого-то, перед кем надо поддерживать впечатление своего трудолюбия. В небольшом кабинете всякое притворство в работе и украшательство в поведении можно сразу сбросить как маску, когда выйдет босс. См.: *Rencke R. The status characteristics of jobs in a factory / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. P. 53.*

²¹ *Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 65.*

штампом, обычно предназначенных для рукописных заметок внутри учреждения. На этот счет существует лишь одно предостережение: подчиненные не должны по собственному почину заказывать такие именные бланки (блокноты и т. п.), как бы ни было это удобно. Подобно ковру на полу и табличке с фамилией на двери, именные блокноты служат в некоторых учреждениях статусным символом²².

По тому же принципу двойного функционирования зон, однажды воскресным утром целое семейство может использовать для сокрытия ленивой небрежности в одежде и отсутствия гражданского пыла стену вокруг своих домашних владений, распространив на весь дом тот дух неформальной расслабленности, который обычно ограничен кухней и спальнями. Днем, после полудня в кварталах средних американцев линия между детской площадкой и домом может быть определена мамами как линия кулис, за которой позволительно разгуливать в поношенных джинсах, мокасинах, с минимумом макияжа, с сигаретой в зубах толкать перед собой детские коляски и вести откровенно бабские разговоры. А в рабочих кварталах Парижа ранним утром женщины чувствуют себя в праве распространить закулисную зону на весь круг ближайших магазинов, и потому спускаются вниз за молоком и свежим хлебом в шлепанцах, в купальном халате, в ночной сетке для волос и без всякого макияжа. В крупных американских городах случается видеть, как модели, одетые в платье, в котором их будут фотографировать, торопливо и осторожно проскакивают самые известные уллицы, почти не обращая внимания на окружающих поклонников. Со шляпной коробкой в руке, с сеткой для сохранения прически на голове, фотомодели обычно ведут себя таким образом не для того, чтобы создать определенный эффект, но постараться избежать неприятностей и возможных приключений по пути к декорациям, на фоне которых начнется их настоящее, запечатлеваемое на фото исполнение для «обобщенного другого». И, конечно же, зона, которая целиком устраивалась как передняя зона для регулярного исполнения какого-то конкретного рутинного номера, часто может функционировать как задняя зона до и после каждого исполнения, ибо в эти моменты там возможны

²² Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 65.

ремонт, подновление и перестановка постоянных элементов декораций или же проведение генеральных репетиций исполнителями. Чтобы увидеть это, достаточно только заглянуть в ресторан, магазин, чужой дом за несколько минут до их открытия перед публикой. Поэтому вообще следует помнить, что, говоря о передней и задней зонах для какого-то поведения, мы рассуждаем с точки зрения конкретного исполнения и имеем в виду служебную функцию, которую в этот раз выполняет данное место для данного исполнения.

Ранее было сказано, что между лицами, сотрудничающими в постановке одного и того же командного исполнения, обычно устанавливаются достаточно фамильярные отношения. Но фамильярность проявляется в основном только при отсутствии аудитории, ибо этот стиль отношений может передавать такие впечатления о членах команды, которые окажутся несовместимыми с впечатлениями, внушаемыми данной аудитории во время исполнения. Поскольку закулисные зоны, как правило, недоступны членам аудитории, то можно ожидать, что именно здесь взаимная фамильярность будет определять тон социального общения. И по сходным соображениям можно ожидать, что в передней зоне будет преобладать официально-формальный тон общения.

В западном обществе заметна тенденция использовать два языка поведения: один неформальный, или закулисный, язык и другой язык для случаев реального исполнения действия перед другими. Закулисный язык складывается из взаимных обращений просто по именам, трудных совместных поисков решений, богохульств, откровенных замечаний сексуального характера, бесконечного ворчания, курения, небрежного стиля одежды, «кисельной» осанки при сидении и стоянии, употребления диалектной или ненормативной лексики, невнятного бормотания и крика, наигранной агрессивности и «ребячливости», бесцеремонной невнимательности к другому в незначительных, но потенциально символических действиях — таких маленьких физических самопроявлениях, как хмыканье, насвистывание, жевание, покусывание губ, рыгание и пускание газов. Язык поведения в передней зоне можно определить как отсутствие (и в известном смысле противоположность) всего это-

го. Иначе говоря, поведение в закулисной зоне можно описать как поведение, допускающее мелкие поступки, которые легко могут быть восприняты как символические проявления особой короткости и бесцеремонности отношения к другим присутствующим и к самой этой зоне как месту пребывания, а поведение в передней зоне действия, то есть на сцене перед публикой, как поведение, запрещающее такие потенциально оскорбительные поступки. Попутно можно отметить, что закулисное поведение имеет характер, который психологи назвали бы «регрессивным». Но, конечно, остается вопрос: то ли само закулисье дает индивидам благоприятную возможность регрессировать, то ли регрессия, в клиническом смысле, является видом закулисного поведения, вызванного социально неодобряемыми мотивами при неподобающих обстоятельствах.

Приняв закулисный стиль поведения, индивиды способны превратить в закулисье любую зону. Так во многих общественных учреждениях исполнители нередко присваивают себе какую-то часть передней зоны и, приняв там фамильярную манеру общения, символически отсекают ее от этой зоны. Например, в некоторых ресторанах Америки, особенно в так называемых забегаловках, персонал устраивает свои встречи в специальной кабинке подальше от двери и поближе к кухне и ведет себя там, по меньшей мере в некоторых отношениях, как будто находится за кулисами. Точно так же, во время ночных полетов при пустом салоне, исполнив свои первоочередные обязанности, стюардессы могут расположиться на самых задних сиденьях, «отключить моторы», закурить по сигарете и сотворить там кружок взаимного внеслужебного расслабления, иногда даже приняв в него кого-нибудь из ближайших пассажиров.

Не стоит ожидать, что в конкретных ситуациях обязательно будут проявляться чистые образцы неформального либо формального поведения, хотя обычно заметно тяготение к одному из этих типов при определении различных ситуаций. В реальности нет чистых случаев, потому что члены команды обычно участвуют сразу в нескольких жизненных спектаклях и в одном из них будут в какой-то мере исполнителями, в другом — аудиторией, а ясно различимые исполнители и аудитория в одном спектакле мо-

гут выступить в другом до некоторой степени единой командой, хотя бы и слабой. Таким образом, в конкретной ситуации скорее всего будет преобладать тот или иной стиль, хотя насчет действительного сочетания или баланса двух основных стилей поведения всегда останутся сомнения и чувство неудовлетворенности.

Хотелось бы особо выделить тот факт, что деятельность в конкретной ситуации — это всегда компромисс между формальным и неформальным стилями поведения. В связи с этим следует остановиться на трех общепринятых ограничениях относительно проявлений закулисной неформальности в поведении. Во-первых, пока аудитория отсутствует каждый член команды, вероятно, захочет подкрепить впечатление, что ему можно доверить секреты команды и что он наверняка справится со своей партией в присутствии аудитории. Каждый член команды обычно хочет, чтобы публика думала о нем как о сильной личности, достойной уважения, что же касается соратников по команде, то он, вероятнее всего, предпочтет, чтобы они думали о нем просто как о верном, хорошо дисциплинированном исполнителе. Во-вторых, за кулисами часто возникают моменты, когда исполнители должны поддерживать моральный дух друг друга и укреплять общее настроение, что спектакль, который предстоит исполнить, пройдет хорошо, или что спектакль, который уже сыгран, в действительности прошел не так уж плохо. В-третьих, если команда состоит из представителей разных социальных категорий, таких, как возрастные, этнические группы и т. д., то некоторые оставленные на усмотрение участников команды ограничения на межличностное сближение возлагают над свободой закулисной деятельности. Без сомнения, важнейшее из таких разделений — это разделение по полу, ибо, как кажется, нет общества, в котором представители двух полов, сколь бы тесно они ни общались, не создавали бы друг перед другом хоть какой-то видимости, учитывающей различие полов. Американская исследовательница, Кетрин Арчибальд, писала о подобных отношениях на верфях Западного побережья следующее:

В обыкновённых взаимоотношениях с женщинами-работчицами большинство мужчин были вежливыми и даже галантными. По мере того как женщины проникали в корпуса строящихся

судов и в самые глухие уголки верфи, мужчины вполне дружелюбно убрали со стен свои картинные галереи нагих тел и прямых порнографий и прятали их во тьму инструментальных ящиков. Из уважения к присутствию «леди» манеры улучшались, лица чаще выбривались и разговорный язык смягчался. Табу на неподходящие для женских ушей изречения в пределах предполагаемой слышимости соблюдалось до того строго, что это было даже удивительным, особенно потому что сами женщины нередко озвучивали доказательства своего знакомства с запретными словами и хладнокровного их восприятия. И все-таки я часто наблюдала мужчин, которые хотели было использовать сильные выражения, и по достаточно уважительной причине, но, внезапно осознав присутствие женской аудитории, краснели от смущения, теряли голос и бормотали невнятицу. В женско-мужской рабочей компании за обедом и в случайной болтовне в моменты отдыха, во всем относящемся к фамильярно-приятельским социальным контактам, даже среди незнакомых на этих верфях, мужчины сохраняли почти в полной неприкосновенности образцы поведения, которые они практиковали дома: уважение к порядочной жене и хорошей матери, осмотрительное дружелюбие в отношениях с сестрой и даже покровительственные чувства к неопытной дочери²³.

У лорда Честерфилда были сходные наблюдения о совершенно другом обществе:

В смешанных компаниях среди равных (ибо в смешанных компаниях все люди в определенной степени равны) дозволяется бóльшая легкость и свобода отношений, но и они тоже имеют свои пределы в границах *bienséance**. Некоторая взаимная социальная уважительность необходима. Можно с большой осторожностью и скромностью попробовать предложить собственный предмет разговора, однако, *de ne jamais parler de cordes dans la maison d'un pendu*** . В своих словах, жестах, позах вы имеете большую степень свободы, хотя вовсе не неограниченную. Вы можете держать руки в карманах, нюхать табак, сидеть, стоять, или временами прохаживаться, как вам понравится, но полагаю, вы не сочтете очень *bienséant* засвистеть, надеть шляпу в помещении, развязать ваши подвязки или расстегнуть пряжки, лечь на диван, или развалиться и заснуть в легком кресле. Есть такие проявления небрежности и свободы, которые можно позволить себе только в совершенном одиночестве. Они оскорбительны для вышестоящих, противны для равных, жестоки и вызывающи для нижестоящих²⁴.

²³ Archibald K. Op. cit. P. 16—17.

* Благопристойности (*фр.*).

** ...В доме повешенного никогда не говорят о веревке (*фр.*).

²⁴ Letters of Lord Chesterfield to his son. Everyman series. L.: Dent, 1929.

Данные сексологических обследований, проведенных под руководством А. Кинси, о силе запретов на наготу в общении мужа и жены, особенно в старшем поколении американского рабочего класса, документально свидетельствуют о том же²⁵. Скромность, конечно, не единственная действующая здесь сила. Так, две представительницы женского населения Шетландских островов заявили, что они всегда будут носить ночные халаты в супружеской спальне после их вскоре ожидаемых свадеб, — и вовсе не из скромности, а потому что их фигуры слишком далеко отходили от образца, который они считали современным городским идеалом. Они смогли указать лишь одну или двух девушек из своих подруг, кому, по их мнению, такая стыдливость была не нужна. Надо думать, что внезапное снижение веса могло бы уменьшить и их собственную скромность.

Утверждения, что за кулисами исполнители действуют в относительно неформальной, фамильярной, расслабленной манере и что они собраны и находятся на страже, когда дают представление на виду, не надо понимать так, что все приятные межличностные жизнепроявления — тонкая обходительность, теплота, щедрость и удовольствие от общения с другими — всегда закреплены за поведением за кулисами, а подозрительность, чванство и демонстрация власти связаны с деятельностью в зоне переднего плана. Напротив, часто кажется, что весь энтузиазм и живую заинтересованность, имеющиеся в нашем распоряжении, мы бережем для тех, перед кем ставим какой-то спектакль, и что вернейший признак существования закулисной солидарности — это чувство безопасной возможности дать волю потенциально заразительному настроению угрюмой молчаливой раздражительности.

Интересно отметить, что хотя каждая команда в состоянии оценить сомнительные «неисполняемые» публично элементы собственного закулисного поведения, она не сумеет так же легко сделать то же самое в отношении других команд, с которыми взаимодействует. Когда ученики на перемене выбегают из класса, чтобы отдохнуть от слиш-

²⁵ Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. P. 366—367.

ком правильного поведения во взаимной бесцеремонности и толкотне, они часто не понимают, что их учителя удаляются в «учительскую» по аналогичным причинам, чтобы всласть поругаться и покурить на большой перемене, когда торжествует закулисное поведение. Из психиатрии известно, конечно, что команда, состоящая только из одного участника, может крайне мрачно смотреть на себя и что некоторые психотерапевты берутся облегчать чувство вины таких людей и зарабатывать себе на жизнь, утешая их рассказами о жизни других таких же страдальцев. За этими осознанными понятиями о себе и иллюзиями о других кроется один из источников динамики и провалов социальной мобильности, будь то мобильность вверх, вниз или в сторону. Пытаясь убежать из двуликого мира с разным поведением в передней и задней зонах, люди могут почувствовать, что и в новой позиции, которую они стремятся занять, они все равно останутся отраженными персонажами, чьи роли запроецированы индивидами, уже находящимися в этой позиции, и что самостоятельными исполнителями им не быть. Когда они достигают желанной позиции, то обнаруживают в своей новой ситуации непредвиденные сходства со старой: обе требуют представления аудитории какого-то переднего плана и обе вовлекают действующих лиц в не совсем чистоплотное, склочное дело постановки некоего спектакля.

Иногда думают, что грубая фамильярность — это просто культурная характеристика, скажем, трудящихся классов и что люди высокого социального положения не ведут себя таким образом. Различия, конечно, есть, но суть их состоит в том, что лица высокого ранга обычно действуют в малочисленных командах и тратя большую часть своего дня на словесно выражаемые исполнения, тогда как люди из рабочих классов чаще бывают членами многочисленных команд и проводят большую часть своего дня на заднем плане или в исполнениях не вербального характера. Поэтому, чем выше место человека в статусной пирамиде, тем меньше число лиц, с кем он может поддерживать фамильярные отношения, тем меньше времени он проводит за сценой и тем вероятнее, что ему понадобятся сугубая вежливость и соблюдение приличий. Но, когда позволяют время и подходящая компания, почитаемые священными

и неприкосновенными исполнители обычно ведут себя «попростому», и этого от них даже ждут. Однако по разным соображениям количественного и стратегического характера мы, похоже, с легкостью готовы признать, что простые работяги предпочитают закулисную, вульгарную манеру поведения, но неохотно признаем, что лорды тоже пользуются ею. Интересный предельный случай такой ситуации встречается в деятельности глав государства, которые вообще не имеют равных себе по статусу сочленов команды. Иногда, когда требуются моменты расслабления и отдыха, эти одиночки могут использовать круг ближайших друзей, которых они производят в неофициальные почетные члены своей команды. Это одна из разновидностей функции «подручного», компаньона. Как показано у Ф. Понсонби в его описании посещения в 1904 г. королем Эдуардом датского двора, придворные конюшие часто исполняют такую «роль»:

Обед состоял из нескольких блюд и множества вин и обычно продолжался часа полтора. Потом все рука об руку, вереницей шли в гостиную и прогуливались по ней с датским королем и всем королевским семейством. В восемь мы удалялись в свои комнаты покурить, но, поскольку нас сопровождала датская свита, разговор сводился к вежливым расспросам об обычаях двух стран. В девять мы возвращались в гостиную, где проводили время за карточной игрой, обычно в «мушку», без ставок, каждый за себя.

В десять нас милосердно отпускали и позволяли разойтись по своим комнатам. Эти вечера были серьезным испытанием для каждого, но наш король вел себя как ангел, играя по маленькой в вист, который тогда совсем вышел из моды. Спустя неделю, однако, он решил играть в бридж, но только после отхода ко сну короля Дании. Мы тянули обычную рутину до десяти часов, а потом в королевские апартаменты приходил князь Демидов из русской дипломатической миссии и играл в бридж с королем, Сеймуром Фортескью и мною по весьма высоким ставкам. Так продолжалось до конца визита, и, конечно, для всех было большим удовольствием расслабиться после унылой натянутости общения с датским двором²⁶.

Следует сделать последнее замечание о закулисных взаимоотношениях. Утверждая, что лица, сотрудничающие в представлении какого-то исполнения перед другими, в

²⁶ Ponsooby F. Op. cit. P. 269.

отсутствие аудитории могут проявлять фамильярность в отношениях друг с другом, нельзя исключать того, что кто-то может до того свыкнуться с собственной деятельностью в передней зоне (и со своим «представительским» характером), что, возможно, перед ним возникнет необходимость управлять своей релаксацией как своего рода исполнением. Человек может чувствовать себя обязанным, когда он попадает за кулисы выходить из показного характера непременно в панибратски-фамильярной манере, и это может стать еще большим позерством, чем то исполнение, от тягот которого предполагалось расслабиться таким образом.

Ранее в этой главе говорилось о полезности контроля над закулисной зоной и о драматургических затруднениях, которые возникают, когда этот контроль нельзя осуществить. Теперь на очереди проблема контроля за доступом к передней зоне, но для ее анализа необходимо несколько расширить исходную систему понятий.

Выше были рассмотрены два вида разграниченных зон: передние зоны, где свершается или может совершаться конкретное исполнение; и задние зоны, где происходит действие, связанное с этим исполнением, но несовместимое с насаждаемой им видимостью. Кажется разумным добавить третью, остаточную, зону, а именно, все прочие места, отличные от двух уже определенных видов. Такую зону можно назвать «внешней». Понятие внешней зоны, которая не является для данного конкретного исполнения ни передней, ни задней, согласуется с обычными здравыми представлениями о социальных учреждениях, ибо в большинстве зданий легко выделить внутренние помещения, которые регулярно или временно используются в качестве задних либо передних зон исполнения, а наружные стены здания отделяют оба эти типа помещений от внешнего мира. Тех людей, которые оказываются вне стен данного учреждения, можно называть «посторонними».

Хотя понятие о «внешнем» очевидно, но если обращаться с ним неосторожно, оно способно вводить в заблуждение, ибо при переходе от рассмотрения передней или задней зоны поведения к рассмотрению внешней зоны, нередко происходит незаметное перемещение точки отсчета с одного исполнения на другое. Если в качестве точки отсче-

та взять протекающее в данный отрезок времени конкретное исполнение, то находящиеся вне этого исполнения будут лицами, для которых исполнители фактически или потенциально ставят некий спектакль, но спектакль (как мы увидим), отличный от того, что уже идет, или во всем очень похожий на него. Когда посторонние в разгар какого-то конкретного исполнения неожиданно вторгаются в его переднюю или заднюю зону, последствия их несвоевременного появления и присутствия часто лучше всего изучать не с точки зрения его воздействия на идущее исполнение, но скорее с точки зрения влияния на другое исполнение, — а именно на то, которое исполнители или аудитория в нормальных (без внезапных вторжений) обстоятельствах представили бы перед посторонними в подходящее время и в подходящем месте, когда бы эти посторонние были ожидаемой аудиторией.

Необходимы также и другие предосторожности при пользовании понятиями. Стена, что отделяет переднюю и заднюю зоны действия от внешней зоны, очевидно, должна играть какую-то функцию в исполнении, инсценируемом и представляемом в этих зонах, но внешние декорации данного строения должны частично рассматриваться как один из аспектов другого спектакля, и иногда их вклад в этот второй спектакль может оказаться более важным. Вот что пишут, например, о домах в английской деревне:

Тип материала занавесок на окнах большинства деревенских домов варьировался прямо пропорционально тому, насколько то или иное окно было доступно постороннему взгляду снаружи. «Самые дорогие» занавески находились там, где их можно было видеть лучше всего, и они далеко превосходили по качеству занавески на окнах, скрытых от публики. Кроме того, было общепринятым использовать материал с рисунком только на одной стороне таким образом, чтобы его лицевая сторона была развернута наружу. Подобное использование самых «модных» и самых дорогих тканей с тем, чтобы наиболее выгодно их показать, есть типичный прием приобретения престижа²⁷.

В первой главе настоящего исследования говорилось, что исполнители склонны создавать определенное впечатление, или не противоречить сложившемуся о них впечат-

²⁷ Williams W. M. The sociology of an English village. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956. P. 112.

лению, что роль, которую они играют в это время, есть самая важная их роль, и что качества, заявленные ими или приписанные им, — самые существенные и характерные их атрибуты. Когда же люди видят некий не предназначенный для них спектакль, они могут разочароваться в нем, а заодно и в спектакле, который был предназначен специально для них. Исполнитель со своей стороны тоже может прийти в замешательство, как пишет об этом Кеннет Берк:

Мы все, в наших разрозненных реакциях, уподобляемся человеку, который — тиран в своем учреждении и тряпка в семье, или музыканту, который самоуверен в искусстве и самоуничижается в личных отношениях. Такая бессвязность реакций причиняет некоторые затруднения, когда мы пытаемся соединить эти разные психические обрывки (например, если мужчине — тирану в учреждении и слабаку в собственном доме — вдруг пришлось бы принять на работу свою жену или детей, он нашел бы свои прежние бессвязные приемы негодными и, возможно, испытал бы настоящее замешательство и мучения при выборе линии поведения)²⁸.

Такие проблемы могут стать особенно острыми, когда один из спектаклей данного индивида зависит от много-сложной сценической обстановки. Отсюда понятный тон разочарования у Германа Мелвилла в рассказе о том, как капитан военного корабля «в упор не видел» его, когда они встретились на борту, но был чрезвычайно любезен с ним, когда, уже после окончания службы Мелвилла, они случайно встретились в Вашингтоне на званом вечере:

И хотя на борту фрегата коммодор никогда и никак не обращался ко мне лично (равно как и я к нему), однако *здесь*, на светском приеме у министра, мы оба стали чрезвычайно болтливыми. К тому же я не мог не заметить, что среди толпы незнакомых сановников и магнатов со всех концов Америки мой именитый друг не выглядел так величественно, как в полном одиночестве на юте «Неверсинка», опираясь на латунные поручни. Подобно многим другим джентльменам, он лучше всего смотрелся и пользовался наибольшим уважением в обстановке родного дома, фрегата²⁹.

Для исполнителя естественное решение анализируемой проблемы — это разделять свои аудитории таким образом,

²⁸ *Burke K.* Permanence and change. N. Y.: New Republic, Inc., 1953. P. 309 (footnote).

²⁹ *Melville H.* White Jacket. Oxford University Press, 1966.

чтобы люди, которые видят его в одной из ролей, не видели бы его и в другой. Так, некоторые франко-канадские священники настроены против слишком строгих запретов, регламентирующих их частную жизнь, и не позволяющих, например, запросто поплавать и позагорать на пляже с друзьями, но при этом они понимают, что все же лучше купаться не со своими прихожанами, поскольку неизбежная на пляже фамильярность несовместима с поддержанием известной дистанции между ними и священнослужителем и уважением к сану, необходимыми в приходской жизни. Контролирование передней зоны — одна из мер разделения аудитории. Неспособность сохранять этот контроль ставит исполнителя в положение неизвестности относительно того, какой характер он должен будет изображать в следующий момент, и затрудняет ему достижение драматургического успеха в любой из его ролей. Трудно симпатизировать фармацевту, который ведет себя с клиенткой, имеющей на руках рецепт, как обыкновенный торговец или как деревенский скотовод, хотя в следующий миг он демонстрирует позу возвышенного, бескорыстного, профессионально безупречного медика случайному человеку, который хочет купить трехцветную марку или шоколадный пломбир³⁰.

Вполне понятно также, что если для исполнителя полезно исключать из своей аудитории лиц, которые имеют возможность видеть его в другом и несовместимом с данным представлении, то не менее полезно для него исключать и тех, перед кем он в прошлом выступал в спектакле, несовместимом с ныне идущим. Лица, которые переживают очень сильные сдвиги вверх или вниз по шкале вертикальной социальной мобильности, осуществляют такое исключение самым решительным образом, стараясь покинуть место своего происхождения. И насколько удобно разыгрывать разные рутинные партии перед разными лицами, настолько же удобно разделять аудитории, перед которыми исполнитель выступает в одной и той же роли, ибо это единственный путь, каким можно дать почувствовать каждой аудитории, что хотя это же рутинное представление дается несомненно и в других аудиториях, но ни одна из

³⁰ *Weinlein A. Pharmacy as a profession in Wisconsin / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 147—148.*

них не является в такой же мере желанной и вдохновляющей для такого представления. В этом случае опять важно контролировать переднюю зону.

Подходящим планированием исполнений можно не только держать свои аудитории в изоляции друг от друга (появляясь перед ними в разных передних зонах или в разное время в одной и той же зоне), но и выкраивать немногие моменты между исполнениями для того, чтобы психологически и физически успевать выходить из одного личного переднего плана, одновременно переключаясь на другой. Иногда, однако, возникают проблемы в тех общественных учреждениях, где одни и те же либо разные члены одной команды должны одновременно иметь дело с разными аудиториями. Если эти различные аудитории находятся в зоне слышимости друг для друга, будет весьма трудно поддерживать впечатление, будто каждая из них получает от исполнителя специальные и уникальные услуги. Так, если хозяйка желает почтить каждого из своих гостей теплым личным приветствием или прощанием (то есть фактически, особенным, персональным исполнением), тогда она должна будет устроиться так, чтобы проделывать все это в помещении, отделенном от других гостей. Аналогично, в случаях, когда похоронной фирме требуется провести в одно время две церемонии, придется для участвующих в них двух аудиторий разработать такой маршрут через заведение, чтобы их пути не пересекались и тем не разрушали у близких покойного чувство, что в церемониальном зале сохраняется некая интимность домашней обстановки. Точно так же в мебельных салонах продавец, который «заводит» покупателя, переключая его внимание с одного гарнитура на другой с более высокой ценой, должен соблюдать осторожность, чтобы тот не услышал второго продавца, раскручивающего другого клиента, сопровождая его от еще более дешевого гарнитура к тому, от которого первый продавец пытается отвлечь своего покупателя, ибо в такие моменты может случиться, что мебель слегка порицаемую одним продавцом, второй продавец умеренно превозносит³¹. Конечно, если две аудитории разделяются стеной, то исполнитель может поддерживать нуж-

³¹ Conant L. The Borax House // The American Mercury. Vol. 17. P. 172.

ные ему впечатления, стремительно перебегая из одной зоны в другую. Этот сценический прием, возможный при наличии двух кабинетов, становится все более популярным среди американских дантистов и других врачей.

Когда аудитория изолирована недостаточно и постороннему случается попасть на представление, ему не предназначенная, в управлении впечатлениями возникают трудные проблемы. Можно упомянуть две доступные методики их решения. Первая предполагает, что всем уже включенным в аудиторию лицам внезапно может быть пожалован, а ими принят, временный закулисный статус, и они по молчаливому сговору с исполнителем вместе с ним резко переходят на игру, которая рассчитана на наблюдение ее незваным гостем. Так, муж и жена в разгар их каждодневной перебранки, при неожиданном вторжении не очень близкого знакомого, скорее всего отложат свои интимные скандалы и разыграют между собой сцену взаимоотношений, почти таких же сдержанных и дружественных, как и отношения, обычно представляемые при любом постороннем. Взаимоотношения, а также разговоры, в которых не могут участвовать все три стороны, будут на время отложены. В общем, если новоприбывшего надо обхаживать в манере, к какой он привык, исполнитель должен уметь переключаться с исполнения, которое он только что давал, на то, которое пришелец воспримет как должное. Редко удается сделать это достаточно гладко с сохранением у новоприбывшего иллюзии, будто на скорую руку поставленный спектакль — это натуральный спектакль данного исполнителя. И даже если все удалось, аудитория, присутствовавшая на спектакле до появления такого неожиданного участника, вероятно, почувствует, что принимала за существеннейшую часть исполнительского Я то, что не так уж существенно.

Выше показано, как можно справиться с вторжением постороннего, переключив всех присутствующих на определение ситуации, в которое сможет вписаться незваный гость. Вторая методика решения этой проблемы — ясно и радушно принять вторженца как человека, кому с самого начала полагалось быть в данной зоне. Тем самым более или менее продолжается тот же спектакль, но со включением новоприбывшего. Так, например, когда человек на-

носит неожиданный визит своим друзьям и попадает на устроенную ими вечеринку, его обычно громко приветствуют и радушно усаживают за стол. Если бы не было этого восторженного приема, то неприятное открытие, что его не пригласили, могло бы подорвать видимость дружелюбия и приязни, существующую в других случаях между новоприбывшим и хозяевами.

Однако на практике ни одна из этих методик не является достаточно эффективной. Обычно, когда посторонние вторгаются в переднюю зону, исполнители начинают исполнение, которое они ставят для этих людей где-то в другом месте или в другое время, и такая внезапная готовность действовать по-новому вносит, по меньшей мере на мгновение, замешательство в линию того действия, в которое эти исполнители уже вовлечены. Исполнители какое-то время будут колебаться между двумя реально возможными перспективами поведения, и пока не последуют и не будут восприняты соответствующие сигналы — члены данной команды остаются без всякого указания, какой общей линии поведения им следовать. Почти наверняка результатом этого будет некоторое замешательство. При таких обстоятельствах понятно, почему с незваным гостем могут обойтись не по вышеописанным щадящим рецептам, а скорее так, словно бы его там вовсе не было, или уж совсем бесцеремонно — выставляют его из зоны действия.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Д. Ковалев</i>	
КНИГА ИРВИНГА ГОФМАНА «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ» И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	29
ВВЕДЕНИЕ	32
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСПОЛНЕНИЯ	45
Вера в исполняемую партию	45
Передний план исполнения	54
Театральное воплощение	63
Идеализация	67
Поддержание экспрессивного контроля	84
Ложные представления	91
Мистификации	101
Действительность и уловки	105
ГЛАВА ВТОРАЯ. КОМАНДЫ	112
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЗОНЫ И ЗОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	142
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ РОЛИ	179
ГЛАВА ПЯТАЯ. КОММУНИКАЦИЯ С ВЫХОДОМ ИЗ ПРЕДСТАВЛЯЕМОГО ХАРАКТЕРА	208
Обсуждение отсутствующих	211
Сценические разговоры	217
Командный сговор	218
Перестроения в ходе исполнения	231
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ	251
Защитные меры и практики	256
Покровительственные действия	274
Тактичность относительно другой тактичности	279

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РАМКИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	283
Аналитический контекст	284
Личность—Взаимодействие—Общество	287
Сравнения и исследовательские возможности	289
Роль выразительности в передаче впечатлений о себе	295
Инсценирование и социальное Я человека	299

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Гофман Ирвинг

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ**

Оформление *Н. Д. Саркитова*
Верстка *А. Н. Саркитова*
Корректор *В. А. Подолинская*

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
113054, г. Москва, Стремянный пер., д. 31/1.

Серия ЛР № 066291

По вопросам реализации звонить: 113-31-31.
Региональным оптовым книготорговым
организациям обращаться:
111402, г. Москва, Вешняковская ул., 6-3-92.

Подписано в печать 12.03.00. Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolDL. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 3.000 экз. Заказ № 231

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ППП типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

9 7 8 5 9 3 3 5 4 0 0 6 9